

ГЕРМАН БУРКОВ

ВОЙНА В АРКТИКЕ

Герман Дмитриевич Бурков

Война в Арктике

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=23799818
Война в Арктике: Сказочная дорога; Москва; 2014
ISBN 978-5-4329-0055-5

Аннотация

Книга капитана дальнего плавания, лауреата Государственной премии СССР, Почетного полярника Г. Д. Буркова посвящена малоизвестным широкой общественности страницам героической обороны Заполярья в годы Великой Отечественной войны, которые по вкладу в разгром фашистской Германии могут сравниться и с героической обороной Ленинграда, и со Сталинградской битвой. Особый интерес представляет описание работы в годы войны советского транспортного флота и полярных станций, подробностей охранения судов на переходах в Арктике, взаимодействия кораблей ВМФ СССР и кораблей союзников. Особую ценность книге придают приведенные в качестве иллюстраций копии документов руководителей СССР и командования Военно-морского флота периода войны. Большой интерес представляют справочные данные о судах, участвовавших в обороне Заполярья, их передвижениях, о местах гибели военных и гражданских судов, о действиях подводных

лодок противника на трассе Северного морского пути. *Издание второе, переработанное и дополненное.*

Содержание

Вместо предисловия	7
К читателям	9
Знать и помнить	12
Первые дни войны	15
Архангельск	33
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Герман Бурков

Война в Арктике

© Бурков Г. Д., 2014

© Издательский дом «Сказочная дорога», оформление,
2014

* * *

Выражаем глубокую благодарность:

- друзьям и коллегам, принимавшим участие в предварительном обсуждении материалов;*
- работникам Российского Государственного архива экономики Г. И. Соловьевой и Е. Н. Калининой за неоценимую помощь в поиске архивных материалов;*
- директору Архангельского морского музея Т. А. Масловой и сотрудникам Мурманского краеведческого музея за предоставленные фотографии.*

*Посвящается 70-летию Победы в Великой
Отечественной войне*

КАПИТАН ДАЛЬНОГО ПЛАВАНИЯ, ПОЧЕТНЫЙ ПОЛЯРНИК ГЕРМАН ДМИТРИЕВИЧ БУРКОВ 07.09.1928–14.08.2014

Вместо предисловия

Начиная с 60-х годов в нашей стране с завидным постоянством издаются книги, посвященные военным действиям в советском секторе Арктики. Но книги, разительно отличающиеся друг от друга по своей сущности.

Одни основаны на доступных для авторов в момент работы документах, другие являются плодами откровенных домыслов и самой безудержной фантазии. Наконец, третьи составляют особую группу книг, зиждущихся исключительно на весьма далёких от истины воспоминаниях немецких летчиков и моряков, стремящихся даже после многих десятилетий, минувших после Победы, любой ценой оправдать варварское нашествие на Советский Союз, свои военные преступления.

Как результат, читателям приходится потреблять немислимую смесь правды (пусть с опечатками и ошибками), полуправды и заведомой лжи.

А такая поистине взрывчатая смесь, сознательно и преднамеренно подменяющая историческую правду, сегодня достигла критической массы и может в любой момент послужить причиной отказа читателей либо от чтения подобных работ, либо заставить их начать верить во все фантазии тех, кто пытается опорочить наше прошлое.

Именно поэтому новая книга Г. Д. Буркова, уже не раз

обращавшегося к прошлому, становится настоящим ключом для повторного прочтения и оценки уже вышедших работ, посвящённых событиям Великой отечественной войны в Арктике. Автор помогает разобраться во многих имеющихся противоречиях, оценках, характеристиках, высказанных до него и в ряде случаев даже утвердившихся в умах, отделяя зёрна от плевел. Вместе с тем рассматриваемая книга Г. Д. Буркова является и весьма важной, ценной для всех, кто интересуется историей нашего Отечества, самостоятельной работой, детально, по этапам – навигациям – прослеживающей все без исключения события тех героических лет. Книга не скрывает наших поражений, поэтому тем значимей становится Победа.

Усиливают доверие к новой работе Г. Д. Буркова два фактора: во-первых, включенные в нее фрагменты личных воспоминаний, рассказ о том, чему автор был свидетелем, во-вторых – обилие документов, как включенных в текст, так и данных в виде приложений, надежно подкрепляющих концепцию книги, ее фактическую достоверность и абсолютную правдивость.

Ю. Н. Жуков, доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института Российской истории РАН

К читателям

К Арктическому региону России в настоящее время приковано самое пристальное внимание не только в нашей стране, но и за рубежом.

Особую значимость начинают играть издания, посвящённые событиям, связанным с историей освоения Арктики. Поэтому закономерно растёт число публикаций по этой тематике. Особую значимость в этой истории приобретают события Второй мировой войны – в 2015 году мы будем праздновать 70-летие Победы.

Широкому читателю, и особенно молодому поколению, остаются малоизвестными героические страницы войны нашей страны в Арктике. То, что опубликовано, зачастую основано на краеведческих публикациях и воспоминаниях участников, в которые вкраплены многие неточности, а порой и совершенно ошибочные данные. Подготовленная к печати книга Г. Д. Буркова «Война в Арктике» качественно отличается от многочисленных изданий по этой тематике.

Герман Дмитриевич Бурков не только Почётный полярник и капитан дальнего плавания, круглогодично участвовавший в работах в Северном Ледовитом океане и на маршрутах Северного морского пути, связанных с конкретными событиями Великой Отечественной войны.

Его детство было связано с городом Мурманском. А с

начала войны и до её окончания – с «Городом-героем» Мурманском и «Городом воинской славы» Архангельском. Именно поэтому автору удалось гармонично связать личные воспоминания с рассказом о многих событиях военных лет в Арктике на основе тщательного сопоставления и анализа закрытых до недавнего времени архивных документов и материалов арктических пароходств, Главсевморпути и Минморфлота. Кроме того, в книге использованы уникальные фотографии и документы, обнаруженные автором в музеях Мурманска и Архангельска. Вошли в книгу и интересные сведения, полученные Г. Д. Бурковым в результате личного общения и встреч с участниками войны в Арктике. Всё это дало возможность автору максимально всесторонне изложить историю военных действий и сражений по трассе Северного морского пути, впервые столь детально описать события четырёх арктических военных навигаций, защиты Мурманска и Архангельска от вражеских бомбардировок. На основе тщательного анализа документов и сведений, связанных с грузоперевозками по трассе Северного морского пути, ленд-лизскими поставками и конвоями, нападениями вражеских кораблей, подводных лодок и самолётов на суда, полярные станции и посёлок Диксон, с работой Штаба морских операций в книге раскрывается целостная картина событий военных лет по всей трассе Северного морского пути.

Необходимо отметить и со знанием дела хорошо систематизированный в приложениях различный материал по вы-

бранной тематике, включая схемы, таблицы, архивные документы и фотографии.

Автору удалось так выстроить разнообразные материалы, что книга читается с большим интересом и предназначена не только специалистам, историкам, преподавателям высших и средних учебных заведений и краеведам, но и широкому кругу читателей. Она вполне может быть рекомендована для патриотического воспитания молодёжи в морских и речных институтах и в средних учебных заведениях.

П. В. Боярский, заместитель директора Российского института культурного и природного наследия им. Академика Д. И. Лихачева, член Союза писателей России, Почётный полярник, профессор

Знать и помнить

Приближается 70-летний юбилей Победы нашей Родины в Великой Отечественной войне.

Книга капитана дальнего плавания, участника тех далеких событий Германа Дмитриевича Буркова будет очень полезна не только любознательному читателю, но и подрастающему поколению.

Автор остался верен себе: сохранил присущий ему доступный легкий стиль повествования при, казалось бы, строгой оценке тех жестких многолетних будней войны в Арктике, ее поражениях и огромных потерях. Приведенный в книге огромный список жертв и потерь невольно заставляет еще раз, обратившись к историческим фактам, задуматься о реалиях сегодняшнего дня.

И первое, что приходит на ум, – почти полная неосведомленность нынешней молодежи о событиях в Арктике в годы войны. Ушли из жизни непосредственные участники событий тех лет. Закончило службу и следующее поколение – дети участников войны, знающие о боевых действиях из рассказов отцов. Приходящие сейчас на флот молодые люди, причем не только призывники, но и выпускники военно-морских учебных заведений, выучившие историю в объеме обязательного учебника, знающие об основных сражениях Великой отечественной войны и о ключевых победах

Советской Армии, не знают порой, что Арктика также была театром военных действий, что там шли бои наших моряков с немецкими подводными лодками с целью предотвращения блокады судоходства по Северному морскому пути, не слышали они ни о бое парохода «Сибиряков» с немецким тяжелым крейсером «Адмирал Шеер», ни о гибели парохода «Марина Раскова», ни о бесстрашии бывших моряков торгового и рыболовного флота СССР, ставших в годы войны военными моряками и обеспечивавших проводку и охрану конвоев союзников, ни о мужестве мирного населения заполярных городов: ведь по плотности бомбардировок в годы войны Мурманск уступал только Сталинграду, а Архангельск стал вторым после Ленинграда городом по смертности населения от голода и цинги.

Вторым фактором, определяющим значение данной книги, являются цитируемые в ней архивные документы предвоенных и военных лет, как советские, так и зарубежные. Эти документы помогают понять, что роль и значение Арктики оценивали как руководители СССР, так и политики из другого лагеря. Особое значение эти экскурсы приобретают в наши дни, когда взгляды многих государств вновь обратились к Арктике, когда все чаще проявляется стремление включить этот богатейший регион в сферу своих политических и стратегических интересов.

В директиве по национальной безопасности США о региональной политике в Арктике прямо указывается, что глав-

ной задачей США в Арктике является всестороннее обеспечение своих «фундаментальных и широких национальных интересов», при отстаивании которых США оставляют за собой право на любые односторонние действия, включая и силовые.

В своих выступлениях Президент России В. В. Путин неоднократно отмечал, что сегодня для нашего государства богатства Арктики имеют геополитическое значение, и этот факт порождает ряд требующих неотложного решения проблем – экономических, экологических, проблем национальной безопасности и международных отношений.

Обеспечение государственных интересов России в Арктике требует безусловного присутствия в этом регионе кораблей и судов Северного флота. И книга Г. Д. Буркова явится, безусловно, отличным материалом, показывающим нынешним матросам и командирам значимость этого региона для судьбы и дальнейшего развития нашей страны.

А. И. Шевченко, вице-адмирал, Почетный полярник

Первые дни войны

Более семидесяти лет тому назад, 22 июня 1941 года, началась Великая Отечественная война. Вряд ли есть люди, пережившие эту дату, которые ее не помнят; у каждого в памяти осталось что-то свое, то, что врезалось на всю жизнь. Помнят люди, пережившие войну, и места, где пришлось им воевать, жить, работать, учиться в те огненные годы. Для меня война – это Мурманск, Архангельск и снова Мурманск.

Говоря о войне, нельзя не сказать хотя бы несколько слов о Мурманске и Архангельске. Эти города всегда были отправными пунктами для судов, уходящих в Арктику, для первопроходцев и экспедиций, направлявшихся на поиски новых земель, на исследование огромных, покрытых вековым льдом территорий. В годы войны они сыграли огромную роль в защите Заполярья и приемке грузов, идущих по ленд-лизу в нашу страну.

И недаром в мае 1985 года, спустя 40 лет после окончания войны, Мурманск стал городом-героем. В указе Президиума Верховного Совета СССР отмечалось: «За мужество и стойкость, проявленные при защите Мурманска трудящимися города, воинами Советской Армии и Военно-морского флота в годы Великой Отечественной войны присвоить городу Мурманску звание «Город-герой» с вручением ордена Ленина и медали «Золотая Звезда».

Архангельск в ряду других тыловых городов, внесших существенный вклад в обеспечение Победы в Великой Отечественной войне, в канун празднования 65-й годовщины этого исторического события был удостоен почетного звания «Город воинской славы».

Я с девятимесячного возраста жил в Мурманске, да и сейчас бываю там довольно часто, так что этот город является для меня родным.

...Июнь 1941 года начался как обычно.

Экзамены сданы, и я перешел в 6-й класс. Стояло полярное лето, солнце не заходило, и мы, пацаны, только что ушедшие на каникулы, беззаботно проводили время, занимаясь обычными каникулярными делами – бродили по городу, катались на велосипедах, добирались до Семеновского озера, где пробовали загорать и купаться, играли в лапту и «попа-загонялу», катались во дворе на «гигантских шагах» и качелях. А двор наш был, по современным понятиям, огромным. Его окружало каре из пяти домов высотой от 5 до 8 этажей, в каждом из которых было по 5–9 подъездов. Еще мы ходили в Дом культуры имени С. М. Кирова, где, несмотря на начавшиеся летние каникулы, продолжали работать различные кружки и шли кинофильмы, и, конечно, нас часто можно было видеть на обсушке залива – там, где сейчас высятся здание морского вокзала, к причалам которого швартуются пассажирские суда разных стран мира, а рядом стал на вечную стоянку атомный ледокол «Ленин». Мы ждали то-

го момента, когда родители вывезут нас на летнее время в районы с более благоприятным климатом, хотя в Мурманске в то лето было довольно жарко – конечно, по понятиям мурманчан. В городе гастролировал московский театр имени Станиславского и Немировича-Данченко, раз или два удалось побывать на его спектаклях.

Все мои приятели были детьми людей, связанных с морем. И поэтому слова «залив», «море», «тральщик», «моряк», «рыбный порт», «тралмейстер», «капитан», «улов», «треска», «палтус» и т. п. вошли в наше сознание раньше, чем мы научились толком говорить.

Никаких разговоров о возможной войне в нашей мальчишеской среде я что-то не помню. Конечно, командование Северного флота и 14-й армии, стоявшей на границе в районе Мурманска, и руководители предприятий города предполагали, что не за горами день «Х», когда начнется война. По всей вероятности, и наши родители тоже вели между собой разговоры на эту тему. Но мой отец и отцы моих друзей, как правило, большую часть времени были в море и дома бывали редко.

Наша семья, как и многие другие семьи, готовилась к лету – мама планировала после ухода отца в море поехать со мной и младшим братом Олегом к бабушке, жившей в деревне Патракеевка Архангельской области, на берегу Белого моря. Старший брат Дмитрий служил в Кронштадте, учился в Школе связи Учебного отряда Краснознаменного Балтий-

ского флота. Тогда на флот призывали на пять лет.

Утром 22 июня 1941 года я вместе с отцом отправился в рыбный порт на рефрижераторную плавбазу «Комсомолец Арктики», которой он уже два года командовал. На судне готовились к очередному рейсу в Чёшскую губу на лов сельди – проходила смена экипажа, прием различного оборудования и продуктов. Все были заняты. Побыв какое-то время в каюте отца, я ушел в штурманскую рубку и начал наблюдать за работой штурмана, готовившего карты и другие пособия на переход. Он даже пытался мне что-то объяснять.

Вдруг все мгновенно изменилось, люди стали напряженными. Прошел слух – «началась война». Кто-то услышал по радио выступление В. М. Молотова. На судне появилось какое-то начальство, и отец тут же отправил меня домой – наверное, чтобы я не мешался под ногами. Когда отец вернулся домой в тот вечер и ночевал ли он дома – не помню.

Уже в первую военную ночь у меня, как и у других членов нашей семьи, рядом с кроватью лежала сумка с противогазом. Почему это было, откуда взялся противогаз – я сейчас объяснить не могу. Думаю, что перед войной проходили какие-нибудь учения по гражданской обороне, участникам которых были розданы противогазы, а, может быть, их раздавали всем жителям города или жителям только тех домов, которые были задействованы в учениях.

В первые дни войны над Мурманском стали появляться немецкие самолеты-разведчики. Надо сказать, что еще до

объявления войны, с 17 июня, немцы летали над главной базой флота. По воспоминаниям очевидцев, один из самолетов прошел над базой на столь малой высоте, что оперативный дежурный, выглянув из окна своего помещения, смог разглядеть даже летчиков в кабине. По всем данным, то был самолет-разведчик – он прошел над Екатерининской гаванью, являвшейся базой флота, потом над Кольским заливом и над аэродромом в Ваенге¹.

Истребительная авиация не поднималась, не открывали огня и зенитные батареи – никто не хотел брать на себя никакой ответственности, чтобы «что-нибудь не напутать».

И командующий флотом А. Г. Головкин вынужден был отдать приказ: в случае появления немецких самолетов зенитной артиллерии вести огонь на поражение, а истребительной авиации уничтожать любые самолеты, пересекающие нашу границу.

В 20 часов 45 минут 18 июня пролетающий над Полярным немецкий бомбардировщик М-110 был обстрелян зенитной артиллерией².

В период с 17 по 22 июня советские наблюдательные посты зафиксировали девять самолетов немецкой авиации, направлявшихся в сторону Полярного. Огонь зенитной артиллерии и самолеты истребительной авиации отгоняли непро-

¹ Ныне город Североморск.

² Боевая летопись военно-морского флота, 1941–1942. М, Воениздат, 1992, с... 22.

шенных гостей от Центральной базы флота. 21 июня над Полярным (если это не слухи первых военных дней) противоздушная артиллерия Северного флота сбила один немецкий самолет.

17 июня Нарком ВМФ Николай Герасимович Кузнецов после завершения учений Черноморского флота оставил для него готовность № 2. В тот же день в 18–30 оперативную готовность № 2 объявил и Северный флот.

19 июня подводные лодки флота были рассредоточены из Полярного по губам Оленья, Тюва, Мотка. В тот же день на подходах к Кольскому заливу были выставлены две линии корабельного дозора.

21 июня в 23–50 Н. Г. Кузнецов приказал флотам перейти на оперативную готовность № 1.

Через 3 часа началась Великая Отечественная война.

Первые бомбы в Полярном начали рваться около 4-х часов утра 22 июня. В тот же день в 22 часа береговая батарея № 221, располагавшаяся на полуострове Средний, обстреляла выходящий из Линахамари немецкий транспорт «Vienna».

Около 5 часов вечера 25 июня вражеские бомбардировщики совершили налет на поселок Роста (сейчас район Мурманска) и сбросили несколько бомб на судоремонтный завод Главсевморпути.

В Мурманске рыли траншеи-бомбоубежища, на крышах каменных домов в центре города устанавливали зенитные пушки и пулеметы, окна домов заклеивали крест-накрест бу-

мажными полосами. Вскоре начались бомбежки Мурманска, но их интенсивность на первых порах была невелика. Даже после объявления «тревоги» мы бегали по городу, несмотря на то, что милиция и люди с повязками на рукавах пытались нас урезонить: в то время нас, парней двенадцати-тринадцати лет, интересовало все. В тот момент мы еще не понимали, что война – это страшно, и что она надолго. Мы были детьми своей страны, воспитанными на героических подвигах наших полярников, летчиков и военных. Война в Испании, разгром японцев на озере Хасан и Халхин-Голе вселяли в нас уверенность в несокрушимости Красной Армии. Мы играли в чапаевцев, челюскинцев, седовцев, папанинцев, смотрели фильмы «Чапаев», «Котовский», «Щорс», «Волочаевские дни», «Пятый океан», «Если завтра война» и другие, рассказывавшие о непобедимости Красной Армии, и верили, что в случае нападения агрессора война будет вестись на его территории. Так что нам казалось – пройдет несколько дней, и враг будет разбит, война кончится.

Редкие бомбы падали в районе порта и на суда, стоявшие на рейде. Во время налетов с крыши нашего семиэтажного дома все было хорошо видно – и немецкие самолеты, и наши суда, и редкие выстрелы зенитных орудий и пулеметов.

Немцы не бомбили жилой фонд города, считая, что он пригодится им самим, когда город будет оккупирован. С 16 августа (как стало известно после войны – по указаниям Берлина) судоверфи Мурманска исключили из объектов бомбо-

метания, чтобы сохранить их на будущее для нужд ВМС Германии. После этой даты основными целями немецкой авиации стали суда, стоящие на рейде, причалы каботажной пристани и центральная часть торгового порта, хотя отдельные бомбы падали и в городе.

29 июня, в день начала наступления наземных частей врага на мурманском направлении, в результате массированного налета на аэродром Ваенга было сожжено 6 и повреждено 18 советских самолетов.

Мы, пацаны, с первых дней войны стали почему-то ловить «немецких шпионов». Может быть, потому, что в городе ходили слухи о том, что кто-то где-то видел парашютиста. Возможно, это был один из летчиков сбитого немецкого самолета. В нашем понятии шпионом должен был быть большой полный человек в очках, хорошо одетый. Это мнение пришло, очевидно, из газет и журналов, где печатались карикатуры на «буржуев», а может быть, из какого-нибудь фильма. По этой причине нашего учителя истории (к сожалению, не помню его фамилию), подходившего под это описание, несколько раз задерживали и приводили в милицию. Правда, не мы, а ребята из других школ.

Шла эвакуация детей и неработающих женщин. Моих друзей в городе становилось все меньше и меньше. Всех жителей обязали сдать имеющиеся радиоприемники и велосипеды. Принимали их почему-то на почте, на улице Ленинградская.

Помню, как я со слезами на глазах приехал на надраенном до блеска велосипеде, переданном мне старшим братом перед уходом в армию, и сдал его. После войны и радиоприемник, и велосипед были возвращены, и я успел еще на нем покататься в 1945 году.

26 июня начался вывод из Мурманска транспортного и рыболовного флота. Суда выходили поодиночке, невооруженными, не имея прикрытия ни с моря, ни с воздуха. У Северного флота³ в то время не было достаточного количества самолетов и кораблей для прикрытия судов, т. к. вся имеющаяся в наличии боевая авиация и корабли были нацелены на отражение атак фашистских армад, рвущихся к Мурманску. Кроме того, корабли не могли сопровождать каждое судно из-за ограниченности запасов топлива на базе. Несмотря на полярный день и прекрасную видимость, все транспорты и суда рыбопромыслового флота (всего 150 единиц) благополучно перешли в Архангельск. Только одно судно – рефрижератор № 3 – было по пути обстреляно немецким самолетом, но повреждений не получило. Можно сказать – повезло.

Отец дней через пять после объявления войны ушел в море. Его судно, предварительно направив в отдел кадров часть

³ К началу боевых действий на Севере молодой Северный флот имел в своем составе 8 эскадренных миноносцев (2 из которых находились в ремонте, один – «Карл Либкнехт» – на капитальном ремонте в Архангельске), 7 сторожевых кораблей, 2 тральщика, 14 охотников за подводными лодками, 15 подводных лодок и 122 самолета. 20 июля 1941 года эсминец «Стремительный» был потоплен авиацией противника прямо в базе.

экипажа (специалистов рыбного лова) и сдав на берег сети, снасти и другое промысловое имущество, было подготовлено для перевозки живой силы и военной техники из Архангельска в Кандалакшу, а в обратном направлении – раненых и оборудования эвакуируемых предприятий Кольского полуострова. Где он и что с ним – матери иногда удавалось узнать в конторе Тралфлота.

В город поступали раненые. Новые четырехэтажные школы в срочном порядке стали переоборудоваться под госпитали. В один из августовских дней из здания школы, в которой я учился, стали выносить на улицу парты. Куда они потом девались – я не знаю. А вот вся школьная библиотека была перевезена в небольшую двухэтажную школу, расположенную метрах в трехстах от нашей. Эта школа уцелела, и мы потом, после войны, еще пользовались этими книгами. В Мурманске в период 1941–1942, 1942–1943 и 1943–1944 учебных годов школы не работали. Все школьные здания были переоборудованы под госпитали. Учебные занятия в городе возобновились в сентябре 1944 года, и то только в двух школах.

Снабжение Мурманска продуктами питания значительно ухудшалось день ото дня. В августе мама, собрав кое-какие пожитки, отправилась со мной и младшим братом в район Зеленого мыса, где формировался эшелон, следовавший вглубь страны.

Меня ошеломило бесконечное количество красных теп-

лушек, толпы орущих детей и женщин, толчея и давка при посадке. Кто-то руководил посадкой. Кто-то проверял списки отъезжающих и их размещение по вагонам. Вся эта человеческая масса, неимоверно шумя, двигалась в разных направлениях. Сколько времени продолжалась эта посадка – я не помню.

В вагонах имелись наспех сколоченные двухъярусные нары. Сколько человек помещалось в вагоне – я не знаю, но помню, что очень много, на нарах тесно, а у дверей все время толпился народ. Все забито людьми, а посередине вагона – груды чемоданов, сумок, узлов, свертков, еще каких-то вещей.

Память сохранила неспешность движения нашего поезда, то пропускавшего воинские эшелоны, то переживавшего налеты немецкой авиации, постоянно стоявшего на различных полустанках. На остановках люди выскакивали на платформу за кипятком и для утоления своих естественных нужд. Порой, правда, не было никакой платформы – одна железнодорожная насыпь, одинокое строение и кругом лес. Мне помнится, что в конце состава была прицеплена полуплатформа, на которой находился зенитный расчет. Но, может быть, это было в другом поезде, на котором мы возвращались в Мурманск.

В какой-то момент наш вагон, в котором ехали люди, имевшие родственников или знакомых в Архангельске и области, на одной из станций отцепили от основного состава

и присоединили к поезду, следовавшему в этот город на Северной Двине. Тут началось «перемещение народов». Кто-то, забрав вещи, перебирался в другой вагон, идущий в центр страны, а кто-то, наоборот, «селится» в наш. Этот процесс занял, к счастью, не так уж много времени, и мы поехали дальше.

Потом говорили, что наш эшелон прошел одним из последних перед тем, как немцы перерезали Кировскую железную дорогу между Мурманском и Ленинградом от станции Мосельская до реки Свирь и южный Повенецкий участок Беломоро-Балтийского канала.

Железнодорожная связь с Мурманском была восстановлена только в конце ноября – начале декабря 1941 года, по окончании постройки ветки, соединяющей станцию Обозерская (трасса Москва – Архангельск) со станцией Беломорск (трасса Мурманск – Ленинград). После этого Кировская (Мурманская) железная дорога, имевшая большое стратегическое значение для связи Заполярья с центром страны, начала бесперебойно функционировать через Вологду (Мурманск – Кандалакша – Беломорск – Обозерская – Вологда).

Наш двор между домами, стоящими по улицам Сталина
и Самойловича

Семеновское озеро

Сквер у Дома культуры им. Кирова

Здание Дома культуры им. Кирова

Призыв в армию. Мурманск, угол улиц Ленинградской и Володарского. Июнь 1941 года

Улица Сталина. Мурманск. Начало июля 1941 года

Архангельск

Еще несколько суток – и мы в Архангельске. Солнечный день. Тепло.

Маленький деревянный железнодорожный вокзал на левом берегу реки, рядом – причал, у которого стоит небольшой пароходик, затем – посадка на «макарку»⁴, переправа через Северную Двину, и мы с мамой на улице Чумбарова-Лучинского, в центре города, у каких-то дальних родственников или, может быть, знакомых.

Жили они в двухэтажном здании с коридорной системой, в одной большой комнате, перегородженной на четверть временной перегородкой. Вода и туалет – в конце коридора, отопление печное, но погода стояла теплая, так что печь никто не топил. Во дворе дома – сараи, в которых хранились дрова и еще какая-то рухлядь. Пищу, если мне не изменяет память, готовили на примусе или на керосинке. Там мы и остановились на несколько дней.

Хозяйка (ей было, как мне кажется, лет 40–45) встретила нас довольно приветливо, как-то разместила. Мать постоянно пропадала где-то в городе, а мы с братом проводили время около дома – никаких знакомых не было, да и города мы

⁴ «Макарка» – маленький пароходик дореволюционной постройки, перевозивший людей с одного берега реки на другой; когда-то эти суда принадлежали архангельскому промышленнику Макарову.

не знали, ходить никуда не хотелось. В Архангельске война ощущалась несколько по-другому, не было такого напряжения, как в Мурманске; город казался каким-то мирным, и усиливали это впечатление звонки трамваев, проходивших по проспекту Павлина Виноградова⁵. Через несколько дней мать получила необходимые документы для проживания на Фактории – районе Архангельска, находящемся километрах в 10–12 от центра города, где располагались рыбный порт тралового флота, мастерские и поселок. Многих там «уплотнили» по законам военного времени, и нам, как эвакуированной семье работника тралового флота, предоставили одну комнату в квартире мастера механических мастерских рыбного порта, расположенной на первом этаже двухэтажного деревянного дома. Фамилия его была Акулов, а вот имени и отчества не помню. Зато имя его сына, который был года на 4–5 младше меня, запомнилось на всю жизнь – Адольф. И хотя во дворе его звали Адька, имя это доставляло ему массу неприятностей, постоянно ассоциируясь с именем Гитлера.

Не прошло и двух лет, как я начал свою трудовую деятельность – сначала учеником, а потом токарем на этом же заводе (к тому времени мехмастерские рыбного порта получили название «Моторостроительный завод»). Первым моим наставником и был Акулов.

22 июня 1941 г. указом Президиума Верховного Совета СССР на основании статьи 49 пункт «п» Конституции СССР

⁵ Улица, проходящая параллельно улице Чумбарова-Лучинского.

было объявлено военное положение в ряде областей страны, в том числе в Архангельской и Мурманской, а 26 июня 1941 г. было узаконено увеличение длительности рабочего дня на всех предприятиях страны на 3 часа⁶. Рабочий день в те военные годы длился 12 часов.

Потихоньку обживались на новом месте. Отец продолжал плавать на линии Архангельск – Кандалакша – Архангельск, практически все время был в море, перевозя на Кольский полуостров воинские подразделения, боевую технику и снаряжение, а в Архангельск – раненых солдат, оборудование эвакуированных предприятий Кольского полуострова и гражданское население. Как мне помнится, на судне в то время еще не было установлено вооружение. Мать определилась на работу охранником в рыбном порту. Мы с братом пошли в школу. Разделения по гендерному принципу тогда еще не было, мальчики и девочки учились вместе. Школа находилась на 2-м лесозаводе, километрах в 2–2,5 от дома. К лесозаводу из центра города шли трамвайные пути, проходившие и мимо Фактории. Но трамваи ходили очень редко, так что в школу и обратно добирались, как правило, пешком. Иногда, очень редко, удавалось проехать из школы на трамвае – на 2-м лесозаводе была его конечная остановка.

22 августа было опубликовано постановление бюро Архангельского обкома ВКП (б) и облисполкома «О введении

⁶ Указ Президиум Верховного совета СССР от 26 июня 1941 года «О режиме рабочего времени рабочих и служащих в военное время».

карточек на хлеб, сахар и кондитерские изделия», первый пункт которого гласил: «Ввести с 1 сентября 1941 г. продажу по карточкам хлеба, сахара, кондитерских изделий населению в городах Архангельск, Молотовск, Котлас, Мезень и Онега». В последующих пунктах расписывались нормы выдачи продуктов по карточкам.

Выдали продуктовые карточки.

Наступил октябрь, начинало холодать. Зима приближалась, с продуктами становилось все хуже и хуже. Мы с братом после занятий в школе ходили на располагавшиеся неподалеку колхозные поля и собирали оставшиеся там после уборки капустные листья, которые мать засаливала на зиму, перекапывали убранные картофельные поля, принося в удачные дни домой до 6–8 килограммов картофеля, причем таких «картофелекопателей» на полях было немало. Норму выдачи хлеба в декабре 1941 года для рабочих уменьшили до 400 граммов в день, для служащих, иждивенцев и детей – до 200 граммов в день. Когда выпал снег, мать иногда брала у соседней детской санки и ходила в ближайшие деревни, где старалась выменять привезенные с собой немногочисленные вещи на картошку или еще что-нибудь съестное. Это мама откладывала в запас на более позднее время. Но вещи тогда были очень дешевы, а продукты – очень дороги. Да и не всегда она возвращалась с продуктами.

Шло время, и положение с питанием становилось все хуже и хуже. Иногда, простояв в очереди у магазина всю ночь, не

удавалось «отоварить карточки», т. е. получить полагавшийся по ним хлеб – его не завезли. А карточки были «прикреплены» к определенному магазину. Тогда карточный талон на этот день пропадал. Впрок талоны не отоваривали. Очень трудно было отоварить талоны и на другие продукты. С 1 ноября карточная система распространилась на мясо, рыбу, жиры, крупы и макаронные изделия. С конца 1941 года для грузчиков, занятых непосредственно на обработке иностранных судов, специальным постановлением была установлена повышенная норма питания, охватывающая все виды продовольственного снабжения⁷, но и она обеспечивалась далеко не полностью из-за сокращения поставок продовольствия на Север. Мы все время чувствовали себя полуголодными. Вроде бы ты и поел, но, выходя из-за стола, сытым себя не чувствовал – есть все-таки хотелось. Мать во время одного из своих походов по близлежащим деревням купила или выменяла несколько килограммов овса. Мы с братом на кофейной меленке мололи это зерно, но мука получалась с большим количеством ости. Из этой муки мы варили кашу, которую заправляли несколькими каплями рыбьего жира, куп-

⁷ «Норма на человека-день: хлеб 800 гр., мука пшеничная 10 гр., крупа разная 150 гр., макароны 20 гр., мясо 150 гр., рыба 100 гр., комбизир 40 гр., сахар 30 гр., чай 8 гр., соль 30 гр., картофель 600 гр., капуста 150 гр., свекла 40 гр., морковь 45 гр., лук репчатый 30 гр., зелень – огурцы 35 гр., томат 6 гр., лавровый лист 2 гр., перец 3 гр., уксус 2 гр., горчичный порошок 3 гр., мыло хозяйственное 16 гр., мыло туалетное 3 гр.» (сохранена терминология и правописание подлинника). И это при 12-часовом тяжелом физическом труде зимой, на открытом воздухе!

ленного матерью, по всей видимости, у моряков с траулеров, проходящих с моря. Эта каша казалась нам необыкновенно вкусной, правда все время приходилось выплевывать застревающие в зубах кусочки ости, из-за чего она была прозвана нами «плевательницей».

В школе всем выдавали половинку «шанежки» (граммов пятьдесят), чуть присыпанную сверху сахаром, что, естественно, усиливало нашу «тягу к знаниям» – в школу стремились пойти все и всегда. Правда, сейчас я уже точно не помню, в какие месяцы производились эти выдачи.

В ближайших поселках не стало собак и кошек – их съели, да и вороны уже редко летали, старались держаться подальше от людей. 2 апреля 1942 г. вопрос об употреблении в пищу мяса кошек и собак рассматривался на заседании бюро Архангельского обкома ВКП (б). Были приняты строгие меры, кое-кого наказали, кое-кого посадили, но было уже поздно – кошек и собак в городе почти не стало. Морозы той зимой стояли крепкие, и по утрам, идя в школу, довольно часто можно было увидеть человека, лежавшего на дорожке, шедшей вдоль трамвайных путей, уже умершего или умирающего, обессиленного от голода, потерявшего способность идти дальше. Но помочь им мы были не в силах. И это тогда, когда через причалы Архангельска и Молотовска⁸ проходили тысячи тонн продовольствия, доставленного по лендли-

⁸ Молотовск – ныне Северодвинск, это название присвоено городу указом Президиума Верховного Совета РСФСР № 733/2 от 12.09.1957 г.

зу судами союзников. Большая часть продовольствия шла на фронт и в центр страны, жителям города почти ничего не оставалось. В ту зиму 1941–1942 гг. архангелогородцы мало чем отличались от ленинградцев по нормам получаемого ими в день хлеба. Архангельск оказался на втором месте (после блокадного Ленинграда) по смертности мирного населения. От голода и болезней умер каждый десятый⁹ житель города. Основными причинами смерти были голод и цинга. Для борьбы с последней готовили настой из хвои. Этот настой пил весь город, и мы, приходя в школу, вместе с шанежкой получали стакан этого напитка.

Однако, несмотря на все тяготы и невзгоды, молодость брала свое. Проводились школьные вечера, организовывались выступления с концертами перед ранеными в госпиталях. Особенно часто мы выступали в ближайшем госпитале, располагавшемся в четырехэтажном здании бывшей школы в районе лесозавода № 3. С азартом занимались сбором посылок для фронтовиков: собирали у жителей шерстяные носки, рукавицы, которые специально вязали многие женщины и девочки, шили кисеты, выпрашивали у кого можно махорку, иногда удавалось получить даже пачку папирос – это была большая ценность. Сами мы в то время не курили. Писали письма на фронт.

Жизнь моего поколения, да и не только моего, но и всего города, ярко иллюстрируют воспоминания Л. Г. Шмигель-

⁹ ГАРФ, ф. 482, оп. 47, д. 2314, л. 3.об.

ского¹⁰, моего товарища, курсанта Архангельского мореходного училища, а затем инженера-кораблестроителя Северодвинского ПО «Севмаш»:

«– Пойдешь работать на буксир Северного морского пароходства учеником матроса, – безапелляционно заявил мой отец, работавший главным юристом Северного морского пароходства. – Там морской паек, хватит голодать с детской карточкой». Сперва я очень возмущился – впереди еще целый месяц любимых мною школьных занятий и экзамены, которые тогда сдавали ежегодно, начиная с 4-го класса. «Ничего, на экзамены отпустят, сдашь. А явиться нужно к началу навигации, иначе места будут заняты», – был ответ. Ну, что тут поделаешь – отец-то был прав. Семья наша бедствовала, как и тысячи других в Архангельске».

Наконец пришла весна, пригрело солнце. Суда вышли на зверобойный промысел, на добычу тюленя. На рынках появились тюленье мясо и тюлений жир, а затем и различная зелень. Город сразу вздохнул с облегчением.

Война принесла двухсотдесяти тысячному населению Архангельска, как и народу всей страны, огромные психологические и физические страдания. Лозунг «Все для фронта, все для победы!» жил в сердцах всех жителей города. Многие мужчины были мобилизованы и призваны в армию, кто-то ушел на фронт добровольцем. Только на строительство оборонительных сооружений на Северном фронте было

¹⁰ Шмигельский Л. Г., «Юнга с Либавы». Архангельск, 2000.

направлено 10000 человек. Женщины и подрастающие дети старались заменить ушедших на фронт у станков работающих предприятий, на палубах и в машинных отделениях транспортных судов, уходящих в море, да и на многих других производствах, в том числе и в порту – на работах, связанных с выгрузкой грузов, доставляемых на судах союзников.

2-я мировая война принесла огромные страдания всем народам европейского континента. Тяжелым бременем легла она и на экономику Великобритании. Постоянные налеты фашистской авиации на города и нападения подводных лодок противника на суда, идущие в порты королевства, требовали совершенствования обороноспособности страны и крупных закупок на американском континенте как вооружения, так и стратегических материалов. В начале декабря 1940 года Англия оказалась в критическом финансовом положении. Исчерпав свой долларовый запас для оплаты заказов, она прекратила заключение новых контрактов на закупку военной техники и снабжения в США. Потребовалось срочно найти новые источники финансирования. 8 декабря 1940 г. премьер-министр Великобритании Уинстон Черчилль обратился к президенту США Франклину Делано Рузвельту с посланием, в котором перечислял неотложные нужды Британии и ее финансово-валютные затруднения; послание содержало также просьбу рассматривать это «... не как просьбу о помощи, а как сообщение о минимальных ме-

рах, необходимых для достижения общей цели...».

В то время Соединенные Штаты еще не вступили в войну. Правительство вынуждено было изыскать тактический ход, чтобы предоставить помощь Великобритании в обход принятого в США в 1937–1939 гг. «закона о нейтралитете».

Получив послание Черчилля, президент Рузвельт, выступая на пресс-конференции 17 декабря 1940 г., предложил осуществлять поставки в Британию по принципу ленд-лиза¹¹, проиллюстрировав свое предложение примером с обьятым пламенем домом соседа и немедленной передачей ему садового шланга, и не за какие-то 15 долларов, а займы, с условием возврата шланга по окончании тушения пожара.

29 декабря, в традиционной беседе со страной по радио, президент обосновал курс на оказание помощи демократическим странам как усиление обороны США, ссылаясь на опасность со стороны агрессора.

В послании Конгрессу от 6 января 1941 г. он писал:

«Я прошу также Конгресс предоставить мне полномочия и денежные фонды, необходимые для организации производства дополнительного количества всевозможных видов вооружения и боеприпасов, чтобы передать их тем народам, которые уже сражаются с агрессивными державами.

Сейчас мы можем сыграть наиболее полезную роль, если мы станем арсеналом вооружения как для этих сражающихся народов, так и для себя самих. Странам, сража-

¹¹ Ленд (lend) – давать займы, лиз (lease) – аренда (англ).

ующимся с агрессором, не нужны людские силы. Им нужно оружие защиты, стоимость которого равняется миллиардам долларов».

10 января 1941 г. на рассмотрение обеих палат Конгресса США был внесен билль «содействия обороне США». Он уполномочивал президента (когда тот сочтет необходимым) передавать займы или в аренду предметы обороны «...правительству любой страны, оборону которой Президент признает жизненно важной для безопасности Соединенных Штатов...». Билль был рассмотрен, получил одобрение в Конгрессе и 11 марта 1941 г. был принят как «Закон об укреплении обороны Соединенных Штатов».

Извлечения из закона:

«Настоящим устанавливается, что этот Закон будет называться “Законом об укреплении обороны Соединенных Штатов”.

...

Раздел III.

А) Независимо от положений, могущих содержаться в каком-либо другом законе, Президент может, когда он сочтет это необходимым, в интересах национальной обороны уполномочить военного министра, министра военно-морского флота или главу любого другого министерства или правительственного учреждения:

(1) В пределах выделенных для этой цели средств и утверждаемых время от времени Конгрессом контрактов произ-

водить в находящихся в их ведении арсеналах, на заводах и верфях или иным способом выделять военное снаряжение для правительства той или иной страны, защита которой, по мнению Президента, является жизненно необходимой для обороны Соединенных Штатов.

(2) Продавать, передавать право, обменивать, сдавать в аренду, передавать в пользование или любым другим способом передавать любому такому правительству любые средства обороны... Стоимость средств обороны, переданных тем или иным способом, в соответствии с условиями настоящего пункта и оплаченных из выделенных для этой цели фондов, не должна превышать 1,3 млрд. долларов.

...

(e) Никакие положения, содержащиеся в настоящем законе, не могут быть истолкованы в том смысле, что они уполномочивают или разрешают уполномочивать появление какого-либо американского судна в пределах военных действий в нарушение раздела 3 Закона о нейтралитете 1939 года...»

Действие закона было распространено на Великобританию и Грецию, но спустя 2 недели Конгресс увеличил ассигнования на программу ленд-лиза до 7 млрд долларов. Программа ленд-лиза была принята Конгрессом США в расчете на отсрочку вступления страны в войну и будущее ограничение участия в военных действиях. Только нападение Японии

на Пирл-Харбор 7 декабря заставило Соединенные Штаты вступить в войну.

И еще одна цитата, на этот раз из директивы Ф. Рузвельта о сотрудничестве с Великобританией от 16 января 1941 г.:

«...Мы должны сделать все возможное, чтобы непрерывно снабжать Великобританию, главным образом с той целью, чтобы сорвать основной замысел Гитлера о вовлечении США в войну в данный момент, а также для того, чтобы подбодрить Великобританию...»

Основную часть всей суммы американской помощи по ленд-лизу (почти 70 %) получили Великобритания и страны, входящие в Британскую империю. Общая сумма расходов США по поставкам вооружения в рамках ленд-лиза¹² составила 46,7 млрд долларов.

Уже вечером 22 июня 1941 года, то есть в день нападения немцев на Советский Союз, премьер-министр Великобритании Уинстон Черчилль в речи, транслируемой Би-Би-Си, пообещал полную поддержку Советскому Союзу и русскому народу. В своем обращении он сказал:

«За последние 25 лет никто не был более последовательным противником коммунизма, чем я. Я не возьму обратно ни одного слова, сказанного о нем. Но все бледнеет перед развертывающимся сейчас зрелищем. Прошлое со сво-

¹² За период с 11 марта 1941 г. по конец августа 1945 г. (по кн. «Мировые войны XX века. Книга 4», с. 118).

ими преступлениями, ошибками и своими трагедиями отступает прочь... У нас лишь одна-единственная неизменная цель... Мы полны решимости уничтожить Гитлера и все следы нацистского режима. Ничто не может отвлечь нас от этого, ничто... Мы будем сражаться с ним на суше, мы будем сражаться с ним на море, мы будем сражаться с ним в воздухе, пока, с божьей помощью, не избавим землю от самой тени его и не освободим народы от его ига... Такова наша политика, таково наше заявление. Отсюда следует, что мы окажем России и русскому народу всю помощь, какую только сможем. Мы обращаемся ко всем нашим друзьям и союзникам во всех частях света с призывом придерживаться такого же курса и проводить его также стойко и неуклонно до конца, как это будем делать мы...».

Позицию США в связи с нападением Германии на СССР озвучил на пресс-конференции 23 июня 1941 г. исполняющий обязанности госсекретаря С. Уэллес:

«Если бы еще требовались какие-либо доказательства истинных целей и планов нынешних руководителей Германии достичь мирового господства, то такое доказательство дает предательское нападение Гитлера на Советский Союз... По мнению правительства Соединенных Штатов любая оборона против гитлеризма, любое сплочение сил против гитлеризма, независимо от их происхождения, ускорит конец лидеров нынешней Германии, и поэтому выгодно

для нашей собственной обороны и безопасности. Гитлеровская армия является сегодня наибольшей опасностью для американцев».

На следующий день, 24 июня, Президент США Франклин Делано Рузвельт в кратком выступлении огласил решение правительства о предоставлении всей возможной помощи России. Он, однако, не уточнил ее характера и отказался комментировать вопрос о вероятном включении СССР в систему поставок по ленд-лизу.

И американское правительство, и правительство Великобритании, принимая решение об оказании моральной и материальной помощи Советскому Союзу, в первую очередь заботились о своих интересах.

Бои на советско-германском фронте давали Америке дополнительное время для военно-экономической мобилизации страны и укрепления ее стратегических позиций. В то же время сохранение советско-германского фронта вело к предотвращению высадки немецких войск на Британские острова, что очень беспокоило Великобританию.

Уже 12 июля 1941 года было подписано соглашение между правительствами СССР и Великобритании.

Извлечения из соглашения:

«Правительство СССР и правительство Её Величества в Соединенном королевстве заключили настоящее соглашение о следующем:

1. Оба правительства взаимно обязуются оказывать друг другу помощь и поддержку всякого рода в настоящей войне против гитлеровской Германии.

2. Они, далее, обязуются, что в продолжении этой войны они не будут ни вести переговоров, ни заключать перемирия или мирного договора, кроме как с обоюдного согласия».

В развитие этого соглашения через месяц, 16 августа, было подписано советско-английское соглашение о товарообороте, кредите¹³ и клиринге.

Над Великобританией по-прежнему висела угроза немецкого вторжения, а города страны продолжали подвергаться систематическим бомбежкам самолетами немецких ВВС, однако британцам, несмотря на то, что они еще недополучили из США всей необходимой военной техники, удалось уже в августе направить в Советский Союз первые караваны с некоторым количеством военного снаряжения и сырьевых материалов.

Военная помощь по ленд-лизу не всегда поступала из США в Англию полностью и своевременно, о чем свидетельствует переписка Г. Гопкинса¹⁴ с А. Гарриманом¹⁵:

¹³ Кредит составил 10 млн фунтов стерлингов (по кн. «Мировые войны XX века. Книга 3», стр. 247).

¹⁴ Гарри Ллойд Гопкинс – американский государственный и политический деятель, ближайший соратник Ф. Д. Рузвельта, один из ведущих политиков Нового курса Рузвельта.

¹⁵ Уильям Аверелл Гарриман – американский промышленник, государственный деятель и дипломат. В марте 1941 года в Лондоне участвовал в переговорах

11.12.1941 г.: «...я только что звонил Вам и хотел заверить, что почти все, за исключением самолетов и 37-мм орудий, уже отправлено. Танки отправляются регулярно. Задержек, о которых упоминал лорд Бивербрук¹⁶, нет.

Наши поставки должны вдохнуть в англичан энтузиазм, а не разочарование. Если Гитлер думал, что он может остановить наши поставки в Россию и Великобританию, ударив по нам, то глубоко ошибался...»

Как военные, так и политические события в том году развивались стремительно. Правительство Великобритании, учитывая складывающуюся обстановку, в начале сентября 1941 г. согласилось производить поставки в СССР в порядке ленд-лиза (а не купли-продажи), как было договорено ранее.

27 сентября на крейсере «Лондон» из Лондона в Архангельск прибыли для участия в Московской конференции представители США и Великобритании.

С 29 сентября по 1 октября в Москве прошла конференция трех держав, основной темой обсуждения на которой стал вопрос о взаимных поставках. Делегацию США

по ленд-лизу. В сентябре 1941 года в ранге посла возглавлял делегацию США на Московском совещании СССР, США и Британской империи. В 1941–1943 годах – специальный представитель президента США в Великобритании и СССР. Отвечал за межсоюзническое взаимодействие по ленд-лизу. В 1943–1946 годах – посол США в СССР, в течение этого периода часто встречался со Сталиным.

¹⁶ Уильям Максвелл Эйткен, 1-й барон Бивербрук – английский и канадский политический деятель, министр, издатель, предприниматель и меценат. Член Тайного совета Великобритании, кавалер ордена Суворова 1-й степени.

возглавлял А. Гарриман, Великобритании – министр снабжения лорд У. Бивербрук; главой делегации СССР являлся В. М. Молотов. В переговорах принял участие И. Сталин. 1 октября главами делегаций был подписан секретный протокол. Первый («московский») протокол обозначил ежемесячные обязательства западных стран на период до июня 1942 г.¹⁷ по поставкам в СССР самолетов, танков, других видов вооружения, сырьевых материалов, оборудования и продовольствия.

В конце сентября 1941 года была достигнута договоренность о базировании в Архангельске и портах Кольского полуострова английских тральщиков и некоторых кораблей ВМС Великобритании.

В их числе были тральщики «Брэмбл», «Леда», «Сигал», «Харриер», «Саламандер», «Халсион», «Силия», «Макбет», корабли «Гаузер», «Спиди», «Госсамер» и эсминцы «Электра» и «Эктив».

В личном послании Сталину от 30 октября 1941 г. Рузвельт утверждал, что закон о ленд-лизе будет применен и к СССР. Уже 7 ноября он направил директиву администратору по ленд-лизу Э. Стеттиннусу, содержащую утверждение, что «... оборона СССР является жизненно важной для обороны США...» и предлагающую осуществлять поставки в СССР на основе закона о ленд-лизе.

¹⁷ За время войны было подписано 4 подобных протокола, последний из них охватывал период с 1 июля 1944 г. по 30 июня 1945 г.

23 февраля 1942 года президент США Т. Рузвельт отдал распоряжение приостановить действие кредита и перевести поставки грузов в Россию строго на режим ленд-лиза. Направляя караваны судов с грузами, поставляемыми по ленд-лизу, в порты СССР, и американцы, и англичане никогда не забывали о своих интересах.

Так, 31 мая 1942 года, когда еще не произошла трагедия с конвоем PQ-17, а вопрос об открытии второго фронта не был решен, Ф. Рузвельт писал У. Черчиллю:

«Объединенный штаб работает сейчас над предложением об увеличении числа транспортных судов для использования в операции “Болеро”¹⁸ путем сокращения значительной части материалов для отправки в Россию, кроме военного снаряжения, которое может быть использовано в боях в этом году. Это не должно уменьшить поставки такого военного снаряжения, как самолеты, танки, орудия и боеприпасы, которые русские смогут использовать в боях этим летом. Я полагаю, что мы можем и дальше сокращать конвои на Мурманск и Архангельск и посылать большие готового к использованию военного снаряжения через Басру. Это должно облегчить задачу вашего флота метрополии, особенно эскадренных миноносцев...»

¹⁸ «Болеро» – кодовое название операции по подготовке к вторжению союзнических войск в Европу через Ла-Манш.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.